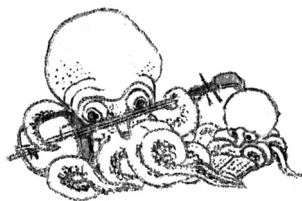

Садзанами Сандзин

—

**Сказания
Древней
Японии**

Москва
2024

УДК 398.21(=521)
ББК 82.3(5Япо)-6
С14

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Nora Hachio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении титула использована иллюстрация *Кацусики Хокусая*

Перевод *Василия Мендрина*

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Садзанами, Сандзин.

С14 Сказания Древней Японии / Садзанами Сандзин ; [перевод с японского В. Мендрина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-196392-7

«Сказания Древней Японии» — ключ к культурному коду Страны восходящего солнца. Этот сборник сказок Садзанами Сандзина прочли десятки поколений японцев. Теперь отголоски этой книги можно найти в мультфильмах Хаяо Миядзаки, в аниме, в творчестве Харуки Мураками, Кобо Абэ и других писателей.

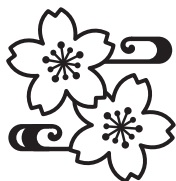
Садзанами запечатлел в записанных сказках саму Японию — ее историю, мифологию, быт и верования. Здесь есть легендарно-историческое сказание о герое Момотаро, появившегося на свет из большого персика и в юном возрасте одолевшего целую ораву злых чертей. Есть религиозно-этическое сказание о хитром и жестоком Тануки, которому Заяц отомстил за смерть своей соседки-старухи. Есть и мифическое сказание про потомка небесных богов, спустившегося на дно морское в царство Дракона в поисках пропавшего рыболовного крючка.

Собрание сказок предваряет статья востоковеда Василия Мендрина о культуре и развитии Японии. А сами сказания проиллюстрированы японским художником Кобаяси Эйтаку.

УДК 398.21(=521)
ББК 82.3(5Япо)-6

ISBN 978-5-04-196392-7

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Нихон мукаси банаси», что в дословном переводе значит «японские древние сказания», — так назвал свое произведение современный японский писатель Ое Садзанами. В переводе это значит «малые волны», то есть зыбь большой реки. Такой литературный псевдоним взял себе Суэо Ивая. Он также подписывал свои произведения как Сиоха, Ое Сиоха (значение то же, что и Ое Садзанами), Садзанами Сандзин.

Ивая — токийский уроженец; он родился в 1871 году. Свою литературную деятельность начал с повестей, в которых сразу же сказался его незаурядный талант. Он примкнул к школе нового направления реалистов, однако, занявшись изучением японской древности, начал специализироваться на обработке сказаний о делах былых, времен далекой старины. Он собирал рассеянные по разным литературным памятникам легенды и предания и перекладывал их на современный, понятный для всех язык, предназначая их главным образом для детей и юношества. Он стал единственным писателем-пионером в этой области и по справедливости может быть назван создателем подобной литерату-

ры в новом, современном, периоде развития Японии. Вышедшие из-под пера Садзанами сказания «Отоги банаси» («Рассказы сиделки») и «Мукаси банаси» придуманы, конечно, не им, в основе этих сказок лежит мифологически-историческая основа. Он лишь брал уже готовый материал и талантливо обрабатывал его.

Большой мастер слова, умеющий пользоваться всеми ресурсами своего языка, он сумел придать легендам особый колорит художественности. При этом он всегда оставался верен исторической первооснове. Ни на йоту не отступая от нее, он представлял ее в художественных, метко очерченных образах и картинах, которые создавали яркий колорит художественно-литературного произведения.

Садзанами и его «Мукаси банаси» известны всей Японии. На этих сказках воспитывается подрастающее поколение. Это своеобразный литературный памятник, в котором неизгладимыми чертами запечатлен дух нации, в котором отразилась древняя культура страны в ее развитии с древнейших времен. Эта культура составляет важное наследие для современной японской нации. И эта культура, этот дух, этот национальный стержень жизни не умер, не изжит; он еще в силе и не перестал действовать. Со стариной не порвано. Она еще сказывается, она еще жива и лежит, несомненно, в основе всего мирозерцания японского народа.

Конечно, постепенный прогресс заслоняет старину все более и более; жизнь идет новыми руслами, образуются новые наслоения и напластования, но все же при всем этом наследие прошлого слишком еще живо. Между старым и новым, между древним и современным существует связь, и в Японии она, может быть, глубже, чем у любой иной нации, у любого иного народа. С момента приобщения Японии к европейской

культуре прошло с исторической точки зрения не так много времени. За этот период внешний, технический уклад жизни значительно изменился, но гораздо более длительное время нужно, чтобы изменился уклад жизни духовный, те этические принципы, которые вырабатывались в течение долгих столетий.

Историческая жизнь японской нации, как и всякой другой, текла своим естественным порядком; постепенно вырабатывался социальный строй, менялись его формы; одни отживали, другие нарождались. Постепенно расширялся и видоизменялся умственный горизонт, видоизменялись этические воззрения, но все последующее не возникало вдруг, вне связи с общим течением жизни: оно покоилось на прошлом, имело с ним глубокую связь, вытекало из него.

Процесс этот шел медленно, постепенно и приблизительно в одном направлении, поскольку и сами условия, при которых он зародился, при которых он совершался, не претерпевали резких изменений. Действие факторов, играющих, несомненно, важную роль в культурном прогрессе, действие так называемых естественных причин, не подвержено вообще резким колебаниям. И изменения в этом отношении совершаются медленно и незаметно, происходят на протяжении громадного времени. Это приложимо ко всему человечеству вообще, но для Японии был еще один фактор, которого недоставало, пожалуй, другим нациям, — сравнительная изолированность страны, сказавшаяся на протяжении всей ее истории, отсутствие общения с другими народами. И хотя, может быть, ни одна нация, ни одна страна не имеет так много заимствованного, как Япония, тем не менее эти заимствования не послужили поводом к живому обмену, к постоянному общению с другими культурами.

Без преувеличения можно сказать, что Япония заимствовала у других все, что было необходимо для ее жизни, физической и духовной. Она заимствовала религию, письменность, искусства и ремесла, формы социального строя, философию и этику, церемонии, обряды, утварь и одежду. Однако эти заимствования она прятала в глуши своих островов и в тиши уединения перерабатывала их на свой лад, под действием неизменных естественных факторов, определявших общее направление ее жизни. Она жила сама в себе, замкнутая и неведомая, создавала жизнь сама в себе. Процесс развития ее жизни шел при таких условиях постепенно и медленно, потому прошлое играло в этом процессе громадную роль. Новое вырабатывалось и усваивалось медленно, а старое продолжало жить и действовать, продолжало занимать если не первое, то, во всяком случае, и не последнее место. Так продолжалось и до самого последнего времени.

Связь с прошлым глубока и сильна и поныне. Она не видна, может быть, постороннему взгляду с первого раза, но она существует и сильно сказывается на всех проявлениях жизни. Много в современной жизни Японии может стать понятным при известном знакомстве с прошлым этой нации; непонятное и странное легко может объясняться именно с этой точки зрения. Но где искать это прошлое? Где те памятники, понятные и доступные, по которым можно было бы проследить это прошлое, так далеко, так глубоко скрытое от посторонних глаз? Их много, этих памятников, и они весьма разнообразны. И в числе их несомненно громадную и важнейшую роль играют памятники литературные, эти никогда не умирающие свидетели былого. Одним из таких памятников и является сборник «Мукаси банаси».

Это не сказки, придуманные только для развлечения детей. В двадцати четырех обработанных Садзанами сказаниях сборника «Мукаси банаси» отмечены главные моменты японской мифологии, истории, этики, религии и быта. Это то, чем жил народ; это свидетельства того, как он жил, как мыслил, к чему стремился, во что веровал, чем восхищался, что ненавидел. Конечно, сюда уместилось далеко не все, но все же здесь видна, так сказать, душа народа, здесь можно проследить руководящие принципы жизни, как они действовали в свое время, оставшись запечатленными легендой во всей их исторической правде.

Все сказания сборника «Нихон мукаси банаси» можно разделить на несколько групп.

I

Сказания мифические: «Восьмиглавый змий», «Заяц и крокодилы», «Таманои». Это группа сказаний, включающих некоторые моменты древнейшей японской мифологии, передающих некоторые мифы, как они записаны в древнейших японских литературных памятниках.

В основе японской мифологии лежит, как и у многих других народов, солнечный миф. Главное божество национальной религии японцев — с высокого неба сияющая богиня солнца Аматерасу. Она само солнце, центр этого мифа, который естественным порядком переходит затем в мифы земледельцев. Начала коренной культуры нашли себе здесь надлежащее место. Борьба с силами природы, которые надо было преодолеть, к которым надо было приспособиться, была, конечно, трудна для тогдашнего человека, имевшего слишком

мало ресурсов для такой борьбы. Все это запечатлено в легендах. На глазах у нас происходит обожествление сил природы: как благих, содействующих жизни человека, облегчающих ее, так и грозных, препятствующих ей.

Однако это еще не все. Легенды создавались медленно. Они, так сказать, наслаивались постепенно, пока не стали настоящим мифом, в котором нашли верное отражение жизненные принципы нации. В нем отпечателась душа народа; в нем сразу же наметилось направление этики, и это не случайно. То, что было положено здесь в основу этического мирозерцания, не было случайно пришедшим элементом; эти принципы сказались в дальнейшем. Они действовали на протяжении многих и многих веков, и не будет ошибкой сказать, что они действуют и теперь, хотя и не в такой, может быть, резкой форме.

Погрешил против великой богини буйный брат ее Сусаноо — и спряталась богиня. Наступил мрак. Однако гнев и упорство богини были сломлены, и сломлены простым средством — обманом. В утилитарных целях сами боги прибегли к обману. Жестоко был наказан Сусаноо и изгнан на землю. Здесь, на земле, он, бог, помогает жалким, беспомощным людям. Он избавляет их от страшной, грозной силы, разрушающей их поля, посягающей на их жизнь. Он борется с ней. Он богатырь-подвижник, он, бог, опаивает змия, усыпляет его, рубит его, сонного. Победа на его стороне. Успех обеспечен. Все предусмотрено. Враг обманут, враг усыплен, враг бессилён. Герой не рискует ничем. Взмах меча — и всемогущий бог делается героем-победителем. Беззаветная смелость и бесстрашие, смелый вызов врагу, готовность пожертвовать собою за других — здесь их просто нет. Важна только цель; средства не учитывают-

ся. Практический, утилитарный взгляд на вещи доведен до крайности, и он не считается ни с какими иными принципами. А легенды наслаиваются и наслаиваются. Как звенья одной цепи, сцепляются между собою факты жизни далеких времен; легенды с неба нисходят на землю, приближаются к людям.

Оставшийся на земле Сусаноо владеет всей тогдашней Японией, и владение его преемственно переходит к его потомку Окунинуси, который уступает свои права прямому потомку Аматерасу, ниспосланному ею с высокого неба и одаренному тремя эмблемами: зеркалом, нефритовым шаром и мечом — признаками его божественного происхождения от самой Аматерасу. Эмблемы эти имеют свою историю. С помощью зеркала и нефрита обманули боги Аматерасу, заставив ее приоткрыть дверь своего каменного убежища на небе. Меч найден в теле змия, опоенного, обманутого и убитого Сусаноо. Каменный шар, медное зеркало, железный меч! Медленно шла жизнь, медленно создавалась легенда, наслаиваясь и отражая в себе разные периоды жизни, разные ступени культурного процесса, но не преминула она, хотя и в затемненной форме, отметить века: каменный, медный и железный. Для слабого первобытного человека все было откровением высшей божественной силы, и простое каменное орудие, появившееся впервые, было для него даром божества.

Окунинуси сходит со сцены и делается божеством. Олицетворение терпения, при всех испытаниях, какие выпали на его долю, он все же не ожесточается, ему свойственно сострадание и милосердие, которые достойно награждаются. В легенде звучит новая нотка, выдвигается новый этический принцип — милосердия, но звучит он слабо, и уже устоявшийся принцип достижения цели любыми средствами так и бьет в глаза. За-

яц, которого спас Окунинуси и к которому он проявил милосердие, начинает с обмана. Обман заячий, но цели достичь он помогает. Обман уже сознается. Ему дается надлежащая оценка, но тем не менее он находит себе применение; он является одним из средств к жизни.

Японией владеет потомок богини, и власть в этом божественном роде передается преемникам, хотя остается в младшей линии, которой подчиняется старшая, — давно, конечно, забытый исторический факт борьбы за преобладание! Этот факт опоэтизирован легендой, в которой перемешались и люди, и боги, в которой спутались внешние исторические факты с внутренними представлениями. Здесь все: и поэтические грезы древнейшего человека, в которых заодно действуют и неведомые ему обожевленные силы, и сам человек, получеловек-полубог, и близкая всему этому природа, с которой он жил в непосредственной близости и которую, может быть, любил, но которой еще больше боялся.

Море, окружавшее страну, давало значительные ресурсы жизни. Оно было и благодетельной, и вместе с тем грозной, неведомой силой. Оно было божеством, источником силы, могущества и власти. Полубог Хико Хоходэми спускается в подводное царство, роднится с божеством вод и от него получает новую силу, новый источник власти и могущества. Он, божественный, становится властелином и повелителем, и ему помогают все неведомые силы. В то же время его божественность распространяется и на весь народ. Те, над кем он властвует, не просто люди. Они тоже божественного происхождения; они выше других человеческих разновидностей, не имеющих за собою такого прошлого, не имеющих предка божества. Эта божественность проходит красной нитью через всю

японскую историю, каждый император Японии — не более как потомок божественного рода, ведущего свое начало от великой богини солнечного света. Далекое прошлое непрерывною цепью тянется вплоть до Новейшего времени.

Такое мирозерцание не прошло бесследно для нации. Идея самовозвеличивания, собственного обожествления, слишком жива еще и поныне. Знакомство с иным миром, с иной культурой, конечно, открыло японцам глаза на многое. Им пришлось столкнуться со многими фактами, говорящими противное. Но эта идея еще не исчезла, она держится и будет, вероятно, держаться еще долго. Хорошо это или худо, трудно ответить в коротких словах, но, несомненно, в этом есть аномалия, есть отклонение от нормального пути здорового культурного процесса, и причины этой аномалии можно проследить.

Рельеф страны, климат, почва — несомненно важнейшие факторы в формировании психологии народа. Япония находилась в исключительных условиях. Затерянная в обширном океане, отрезанная бурным морем от ближайшего материка, Азии, с его пустынными в то время берегами, она была предоставлена сама себе; должна была жить сама в себе, отстранившись от общей культурной жизни соседних стран. Мягкий климат, незначительность площади Японского архипелага, защищенность от внешних вторжений, изобилие средств к существованию приучили довольствоваться тем, что давалось само, без чрезмерных затрат сил и энергии. Это, конечно, был минимум для удовлетворения потребностей, но к нему можно привыкнуть, а привыкнув, считать его за то высшее, что доступно человеку. Так и считали.

Незнание других привело к нежеланию знать их. Жизненные требования стали подгоняться к шаблону; отсюда снижение запросов, довольство тем, что есть, нежелание поисков нового. Окружающая природа давала много; она была всегда около человека; она, с одной стороны, может быть, и вдохновляла его, но еще больше давила на него. Близость к природе была, но близость неосмысленная, без попытки ее критически осмыслить. Природа давила человека, а сам он, с его мирозерцанием, вставал как бы вне ее. Мысль усыплялась все более. Обычные для человечества представления о силах природы, об отношении к ним самого человека не находили в Японии себе места. Человек воспринимался лишь как конкретное я, а абстрактное представление о человеческом существе не укладывается в рамки мышления такого конкретного я. Человек признавал человека только в самом себе. Собственная фигура заслонила все.

Самодовлеющий, с оцепеневшей мыслью, он не может уже сознательно, критически относиться к окружающему. Он реально сознает свою индивидуальность, но мысль не движется, и, кроме себя, он не видит уже подобного себе; он употребляет свою досужую фантазию на то, чтобы возвеличить себя в собственных же глазах. Он не может отрешиться от представления о силах, его пугающих, о силах, ему непонятных, о силах, стоящих выше его разума. Не будучи в состоянии проанализировать своей застывшей мыслью отношение их к самому себе, он делает их божеством и приближает их к себе или себя к ним. Он стремится возвеличить себя, поскольку сознает себя реально, конкретно. До других, подобных ему, существ ему нет дела.

Ленивый мыслью, убогий жизнью, инертный в смысле создания техники культуры, он может счи-

тать только ниже себя все, что не он сам лично. Конечно, современная жизнь повлияла на эту идею, она повредила до известной степени первоначальную ее чистоту, но все же это восприятие не утратилось совершенно и сказывается еще теперь и в виде той отчужденности, той неприязненности, которую питает этот народ в общей своей массе ко всему постороннему, ко всему, что не он сам. Между ним и остальным человечеством все еще лежит глубокая пропасть. Когда она закроется и закроется ли вообще — это вопрос открытый.

От обожествленных сил природы, от богов и полубогов легенда нисходит постепенно к людям. Участие людей делается все заметнее и заметнее. Мифический период естественным порядком переходит в легендарно-исторический и дает нам новую группу сказаний.

II

Сказания легендарно-исторические: «Момотаро», «Оеяма», «Иесумбоси», «Кинтаро», «Расёмон», «Тавара Тода», «Усивакамару».

В отличие от периода мифического, в котором при зарождении культуры всю силу, всю энергию пришлось употребить на элементарную борьбу с силами природы, на приспособление к ним, этот следующий период носит на себе отпечаток развития социального строя, объединения разнородных, вероятно этнографических, элементов, борьбы их между собою, подчинения одних другими. Это тот период, когда уже тем или иным путем образовалось ядро, давшее впоследствии японскую нацию, когда это ядро, отдельное племя или конгломерат нескольких, вероятно родственных, племен осознало себя и вступило в борьбу с остальными родственными